

ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ

АЛЬМАНАХ ЧЕТВЁРТЫЙ

ИЗДАНИЕ
СУДОГОДСКОГО БЛАГОЧИНИЯ
И КОМИССИИ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ
ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ

ВЛАДИМИР 2014

ББК 63.3(2)-4 + 86.372
Д 44

По благословению
Архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия

Д44 Дивен Бог во святых Своих. Альманах четвёртый.
Издание Судогодского благочиния и Комиссии по канонизации
святых Владимирской епархии. – Владимир, 2014. 80 с. : ил.

© Авторы статей, 2014
© Комиссия по канонизации святых Владимирской епархии, 2014
© Судогодское благочиние, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Инокания Анастасия (Буянова)</i> Игуменья Мария (Либеровская), последняя настоятельница Суздальского Покровского монастыря	4
<i>Виталий Койсин</i> Вспоминайте наставников ваших	14
<i>Монахиня Сергия (Каламкарлова)</i> Верные иноческим обетам	30
Схимонахиня Мстислава (Мария Григорьевна Брянцева)	30
Монахиня Маргарита (Александра Васильевна Зуева)	37
Инокания Александра (Александра Ивановна Конова)	48
<i>Инокания Анастасия (Буянова)</i> Сёстры-подвижницы	55
Монахиня Магдалина (Матрона Ивановна Рассказова)	55
Монахиня Валентина (Вера Ивановна Тетерина)	57
Послушница Параскева (Параскева Васильевна Шишилова)	59
<i>Андрей Ершов</i> О закрытии храма в Димитриевском погосте	62
<i>Андрей Ершов</i> Судьба Сретенского храма села Ново-Никола при советской власти	67
<i>Ирина Царицына, Альбина Кострова</i> Священник Михаил Царицын	72
<i>Марина Торгова</i> Протоиерей Николай Сергеевич Сушко	76

Виталий Койсин

ВСПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ

24 декабря 2012 года исполнилось 60 лет со дня кончины протоиерея Дмитрия Флоринского, служившего в Троицком храме села Карабанова Александровского уезда.

Родился он 24 февраля (по новому стилю) 1888 года в городе Александрове Владимирской губернии, в семье священника Успенского монастыря Николая Ивановича Флоринского (1856–1918), впоследствии настоятеля Христорождественского собора и благочинного церквей города. И отец, и мать, Клавдия Васильевна (1861–1937), происходили из духовного сословия. Кроме Дмитрия, в семье было ещё семеро детей. Юность была типичной для сыновей священнослужителей, большинство которых шло по стопам отцов и дедов. По окончании начального городского училища в 1898 году Дмитрий был зачислен во Владимирское Духовное училище, а в 1902 году – во Владимирскую семинарию, которую окончил через шесть лет.

Учился он, однако, столь успешно, что по окончании семинарии его ждало не назначение на городской или сельский приход (что было судьбой большинства «бурсаков»), а новый этап учёбы – в Казанской Духовной академии, которую он окончил в 1912 году со званием кандидата богословия, защитив диссертацию на тему «Современные задачи пастыря Церкви в звании законоучителя». Кстати, тема эта – что и как должен преподавать священник на уроках Закона Божия – актуальна и в наши дни.

С октября того же года Дмитрий Флоринский назначен помощником инспектора Казанской Духовной семинарии. Одновременно он преподавал в 1-й городской мужской гимназии русский язык и

Семья Флоринских. Фотография ок. 1914 г.

историю, а в старших классах, по совместительству, и русскую литературу. И, видимо серьёзно готовясь к стезе учителя, получал второе высшее образование. В архивной справке читаем:

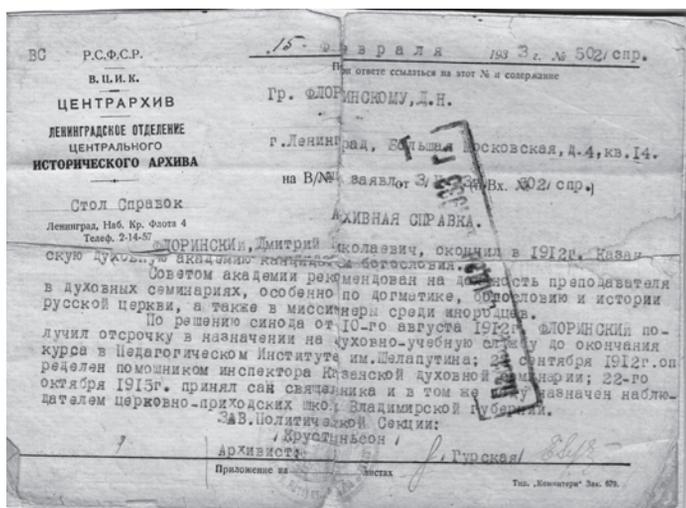
«...Советом Академии рекомендован на должность преподавателя в Духовных семинариях, особенно по догматике, богословию и истории Русской Церкви, а также в миссионеры среди инородцев. По решению Синода от 10 августа 1912 г. ...получил отсрочку в назначении на духовно-учебную службу до окончания курса в Педагогическом институте им. Шелапутина».

Но видно душа Дмитрия желала не академической карьеры, а практической деятельности. Да и хотелось быть ближе к престарелым родителям. Тем более что вскоре (около 1914 года) он сочетался браком с Марией Александровной Сокольской, дочерью настоятеля фабричной церкви Св. Живоначальной Троицы в селе Карабанове, неподалёку от Александрова.

Церковь Св. Живоначальной Троицы в селе Карабанове.
2-я пол. XIX в.

Поэтому вскоре Дмитрий Флоринский вернулся на родину и в октябре 1915 года был назначен наблюдателем церковно-приходских школ Александровского уезда Владимирской епархии, а через месяц, 4 ноября, был рукоположен в сан священника.

4 апреля 1918 года иерей Димитрий назначен к временному исполнению обязанностей священника по приходу села Самарина Александровского уезда. С 12 апреля 1919 года назначен вторым священником Троицкой церкви в селе Карабанове, на место скончавшегося 12 марта своего тестя, протоиерея Александра Сокольского.

После революции отец Дмитрий, как и все священнослужители, был лишён избирательных прав. В начале марта 1922 года в отношении карабановских священников Димитрия Николаевича Флоринского, Алексея Георгиевича Борисоглебского и членов церковного совета было заведено уголовное дело. Вина их заключалась в передаче бедной церкви села Снятинова распятия, икон и подсвечников. До конца года длилось следствие. Постановление Александровского Народного суда от 14 декабря 1922 года гласило:

«...достаточно изобличаются священники Борисоглебский, Флоринский, псаломщик Фадеев, староста Александровский, члены совета Стрекосов, Барашков, Муравьёв, Петров, Гордеев, Вишняков, Савостин, Жигалов, Мудров, Широков, Окунев, Коробушкин, Чучелова, Фадеева, что по ходатайству снятиновской церк. совета об отпуске предметов церк. утвари удовлетворили, чем нарушили п. 12 декрета за 1918 год т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 123 Угол. Кодекса. Принимая во внимания, что наказание, предусмотренное ст. 123 не превышает одного года, и что за силой амнистии 5 годовщины Октябрьской революции дело подлежит прекращению».

В конце 1920-х годов поднялась очередная волна гонений на верующих. Особенно страдали семьи священников, которые в обществе «светлого будущего» стали просто изгоями, – как тогда говорили, «лишенцами». Они были лишены некоторых гражданских прав, не имели хлебных карточек, их детям было запрещено получать высшее образование и служить в армии. Так и матушка Мария Флоринская в 1927 году была лишена избирательных прав. Нелегко приходилось и детям – Елизавете (1916 г. р.) и Николаю (1921 г. р.). Елизавета Дмитриевна оставила воспоминания о том времени:

Когда я ещё училась в карабановской школе, началась кампания против религии. Усиленно привлекались дети в пионеры, в комсомол... Началась «травля», т. е. насмешки против нашей семьи (и вообще против духовенства). ...Как-то в середине дня папа, мама, я и брат сидели на лавочке у дома с женщиной–комсомолкой, по всей форме одетой, – помню сейчас её лунообразное красное лицо. Шла

Их сын Вась — сама земля и доброты. Всегда
откровен и аккуратен. Разработал, в нем души не
дают!"! Папа мой работал на спале — всем,
то придет, а позане — тингалом. "Билымь пом"

любимая парочка. Педагог
эпохитер урлинку — в
статеные врене сивей
на кет!!! акало того из Тар.
Ковилия потан в работни-
ки и келмужку в динке!!
Об том позане. Как сич-
оимокя этотя асковеркяля
тинь озем мивит мивел
личитит мидей! Биде
сидимы отику повресты.
Вилев — он осядет тив,

Дмитрий Николаевич.
Фаритовит — мой отец
1933г.

а более "ушнит" — ур-
итк проса "егалин"

ручками Керин; Биде — ушнитом...

Мама, как всегда занимается тивом.

Шила платя молодецки. Среди заказчи — для
сосежкя Дерзасова — Гинковны. Райн — мой дра-
улик. В Тюрковитя река Оредем пресреца-
лась в Большое Витинское озеро, по кото-
рину ходили пассажирские одиотамити

большая группа пионеров с красными галстуками (как дочери священника, мне нельзя было быть в пионерах!) поравнявшись с нами, по команде «вожатой», они запели песню, в которой были слова: «мы на небо залезем, разгоним всех богов»!.. Папа улыбнулся и говорит: (папа был очень верующим человеком, он верил в Бога, т. е. в чудо жизни!) – «Ну-ну, залезайте, посмотрим, что с этого будет!!!» И вот, теперь, заглядывая далеко в прошлое, хочу сказать, эти в прошлом «дети» погибли в Великую Отечественную войну. <...>

Папу вызвали в милицию... заставляли подписать документ, что он обязуется доносить о каждом проходящем к нему верующем... При получении духовного сана папа давал обещание обо всём молчать, что говорил или в чём каялся верующий... Он документ не подписал, категорически отказался быть «осведомителем», за это его продержали в «заключении» при милиции две недели.

Вдобавок их выселили из церковного дома, и семья из трёх человек (Лизу забрала в Ленинград сестра матушки Марии) ютилась в комнате у знакомого рабочего. И оттуда вскоре пришлось съехать, теперь в деревню Степково, так как рабочего Кукушкина «загрызли» за то, что он «держит попа», и грозили увольнением с работы.

5 марта 1929 года Троицкая церковь была закрыта (а в 1937 году взорвана). Отец Дмитрий продолжал совершать крестины и отпевания на домах у верующих, но вскоре был арестован и осуждён на один год лишения свободы по ст. 168 УК РСФСР: «Присвоение, т. е. удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определённой цели, или растрата этого имущества, – лишение свободы на срок до двух лет». Формальным поводом к такому обвинению стало то, что при закрытии храма отец Дмитрий взял домой дарохранительницу, обречённую на изъятие и поругание.

Срок отец Дмитрий отбывал на лесозаготовках в Карелии, у станции Медвежья гора. В это время семья была раскулачена, фактически – ограблена. «Маме оставили только одну ложку столовую деревянную и табуретку», – вспоминает Елизавета Дмитриевна.

После освобождения отец Дмитрий пытался устроиться в Ленинграде, но, по доносу соседа, как «лишенец» был выслан за «101-й километр». Некоторое время прожили близ станции Плюсса в де-

ревне Погорелово. Наверно, отец Дмитрий вначале пытался продолжить служить в Церкви. Но тогда храмы повсеместно закрывались, и немногие оставшиеся на свободе священнослужители были вынуждены устраиваться на мирские работы. Так и отец Дмитрий устроился рабочим на лесосплав. Матушка подрабатывала шитьём на дому.

На работу приходилось ходить до станции Плюсса, 7 км в одну сторону. Это было нелегко, особенно зимой. «Помню, для него была молитва и поговорка: "Бог терпел и нам велел", – писала дочь отца

*Елизавета Дмитриевна
Флоринская*

Димитрия. – Надо ещё учесть, что было в то время много волков. И дороги прямиком не было, лыж тоже не было». Поэтому решили перебраться в Тарковичи. В трудовой книжке есть запись от 2 октября 1933 года: «общий стаж работы до поступления в Оредежский леспромхоз – 3 года и 3 месяца» (вероятно, сюда входит и работа в заключении) и указана профессия – пилостав (рабочий, устанавливающий пилы на лесопильных рамах). Лучшей должности для «неблагонадёжного» человека с двумя высшими образованиями и учёной степенью не нашлось...

В этом Оредежском леспромхозе отец Дмитрий и работал до начала войны. Был даже несколько раз премирован за перевыполнение плана. В справке 1936 года указан адрес: «ст. Торковичи Окт. ж. д., Торговая ул., дом <Николая Васильевича> Дербасова». Там семья снимала 14-тиметровую комнатку.

Скоро пришла новая беда – в начале сентября 1935 года Коля Флоринский был отчислен из школы как сын «лишенца», а в конце месяца скончался от менингита.

Летом 1941 года отец Дмитрий и матушка Мария оказались в оккупации. «Родители две недели стояли на очереди за эвакуационным талоном, но так и не получили», – вспоминала Елизавета

Дмитриевна. Сама она вместе с маленьким сыном оказалась в блокаде Ленинграде, но Бог их хранил, и они были эвакуированы.

Во время оккупации отец Дмитрий вернулся к священническому служению в Успенской церкви села Хреплё Батецкого района. После того как в 1944 году немцы вывезли местных жителей в Тельшайский уезд Литвы, работал кучером у помещика, исполняя и там пастырские обязанности по отношению к своим прихожанам. Митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) назначил его уполномоченным по делам духовного обслуживания приходов и русских беженцев в Литве, а по переезде Псковской миссии из Пскова в Литву отец Димитрий был назначен окружным миссионером.

2 мая 1945 года Флоринские вернулись на родину вместе с эшелоном реэвакуантов. Но Торковичи были сожжены, а храм в Хреплё разорён и непригоден для богослужений. Были предложения поехать в Новгород или Псков. Но отец Димитрий не хотел служить в больших соборах: на это «уже ни моральной, ни физической возможности у него не было». Да и чем дальше от властей – тем лучше...

Короткое время он служил в Усть-Варваринской церкви Красностанского сельсовета, неподалеку от Новгорода. Вскоре этот маленький приход закрыли, а отца Дмитрия перевели в деревню Воронино близ станции Мойка. Почти сразу закрыли и местный храм. Наконец, 17 сентября 1945 года митрополит Григорий (Чуков) назначает его настоятелем Ильинского собора в Сольцах. Впрочем, надо отметить, что по списку приходов Псковской миссии ещё во время немецкой оккупации в причте Ильинского собора числился «протоиерей Николай Флоринский». Если это опечатка (как наверняка и есть) и следует читать «Дмитрий Флоринский», то духовную связь отца Дмитрия с Сольцами надо отсчитывать как минимум с 1943 года.

11 ноября 1945 года, после более чем годовой борьбы верующих за сохранение Ильинского собора местом молитвы (а были планы устроить тут Дом культуры), состоялось его освящение и первое богослужение.

Отчёт Новгородской епархии за 1946 год сообщает, что протоиерей Димитрий Флоринский уже был благочинным Солецкого церков-

ного округа. Под его начальством были приходы в Сольцах (собор Илии Пророка), в дер. Муссы (церковь Покрова Божией Матери), в селе Городня (церковь св. Димитрия Солунского), в селе Велебицы (церковь св. Иоанна Богослова), в селе Косицком (церковь Рождества Пресвятой Богородицы), в селе Молочкове (Успенская церковь), в селе Мроткине

*Конец 1940-х гг.
Покровский погост в Муссах.
Современный вид*

(Никольская церковь), в селе Передольском (Скорбященская церковь), в селе Саблё (Успенская церковь) и в селе Хочени (Никольская церковь).

Правда, катастрофически не хватало тех, кто мог бы в этих храмах служить. Ведь большинство духовенства было репрессировано в 1937–1938 годах (почти все расстреляны), кто-то был арестован по «делу Псковской миссии», а кто-то после эвакуации 1944 года остался в Прибалтике... Так что, кроме самого отца Димитрия, похоже, сперва служили всего два священника: Феодор Пузанов (с начала 1947 года) и Николай Соловьев.

Да и власти снова начали «закручивать гайки». После «оттепели» военных лет, когда отношение к верующим на время изменилось в лучшую сторону (вследствие патриотической позиции Церкви и внешнеполитического давления со стороны союзников), в послевоенные годы начало

СПРАВКА.

О РЕГИСТРАЦИИ ДУХОВЕНСТВА.

Настоящая справка выдана гражданину Дмитрию
Колу Дмитрию Николаевичу проживающему
в гор. Солвот в том, что он
по проверке документов 24 Октября 1945 г. Уполномоченным Советом по делам Русской Православной церкви при Совете Министров СССР по Новгородской области зарегистрирован в качестве дьякона приходской общины Никитинского Собора находящейся в г. Солвот
с правом совершения богослужения в названной церкви и церковных треб на дому у верующих по их приглашению в пределах Батецкого, Устюжского и Солвотского районов.
В случае оставления гр. Дмитрия Колы службы в данном приходе, справка должна быть возвращена Уполномоченному Совету по делам Русской Православной церкви при Совете Министров СССР по Новгородской области.

Уполномоченный Совет
Русской Православной
церкви при Совете Министров СССР
Новгородской обл.
ТИМОСОВ

24 Октября 1945 г.

№ 38/

г.Новгород на Волжове.

902-223

Справка отражает временное улучшение отношения власти к духовенству: священнику не возбраняется совершать требы в домах прихожан, правда, в пределах обозначенных административных грани. Но это всего лишь отголосок военного времени. Вскоре начнутся новые гонения на Церковь, и вплоть до конца 80-х годов прошлого века священник, совершая требы на дому, всё же будет рисковать своей регистрацией...

постепенно «холодать». Так, к упомянутому отчёту 1946 года была приложена просьба верующих об открытии храма в деревне Илемно. Эту просьбу, как и многие подобные по области, партийные и советские органы не удовлетворили, да и уже открытые храмы начали потихоньку закрывать под благовидными предложениями.

*Разлив р. Шелони.
Вдалеке виден Ильинский собор.
Конец 1940 начало 1950-х гг.*

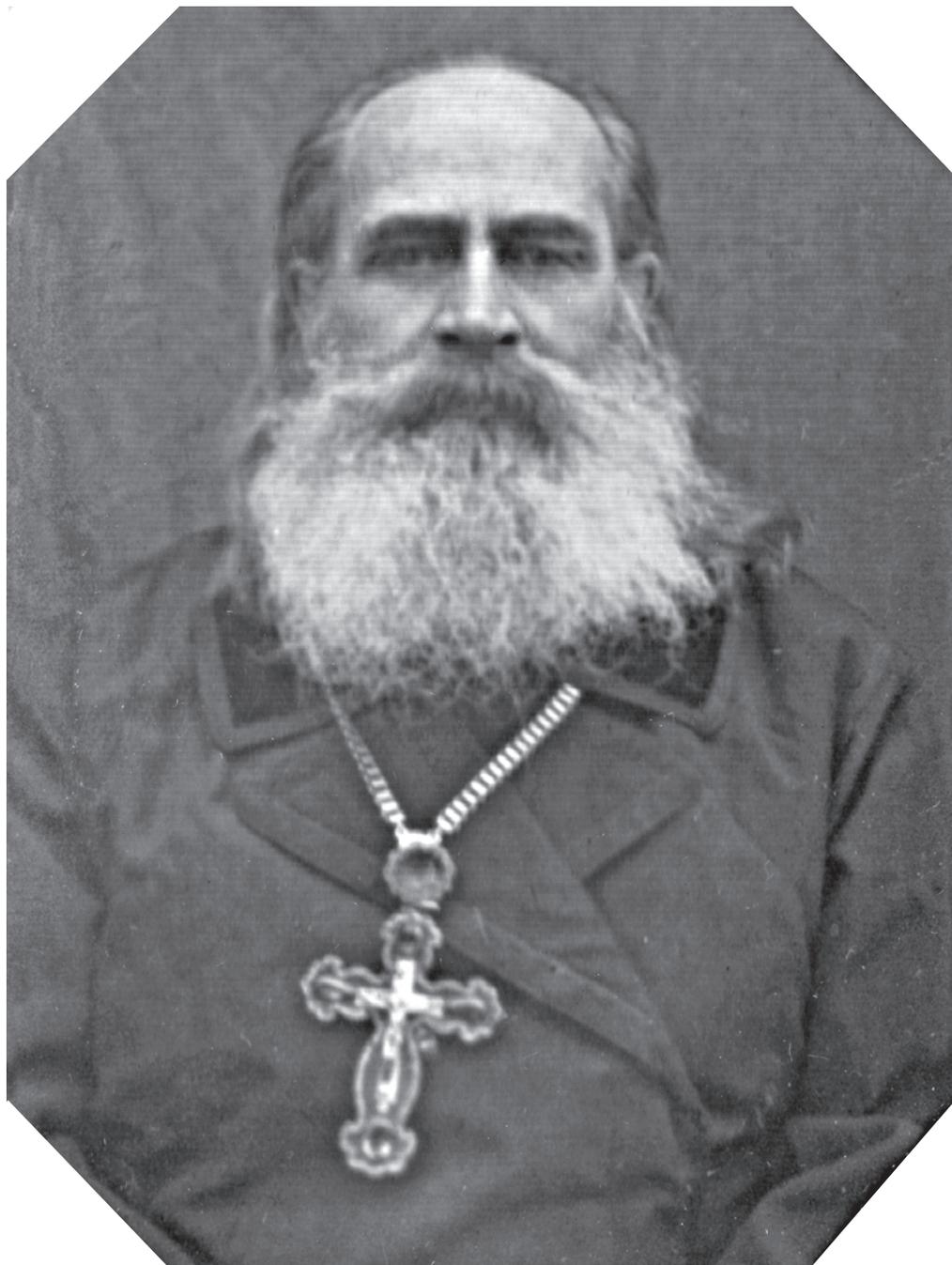

*Ильинский собор в Сольцах.
Современный вид*

Не оставляли в покое даже Ильинский собор. Уже в 1948 году райисполком попросил общину временно уступить летний зал под склад зерна, под предлогом спасения урожая. «Временное» владение конторой «Заготзерно» и другими организациями продлилось целых 7 лет, за которые помещение было сильно повреждено. Так, в 1952 году там поставили двигатель для сортировки зерна, дым и пыль от которого оседали на росписях и проникали в «зимнюю» часть собора, которая в дни праздников не могла вместить всех молящихся. В общем, власти слепо следовали бого-

борческой идеологии марксизма-ленинизма, как бы не замечая, что унижают собственный народ и рубят сук, на котором сидят.

Впрочем, как рассказывает солецкий старожил К. И. Шветов, «простые люди к отцу Дмитрию относились хорошо. Люди ещё веровали в Бога, ведь оставалось старое поколение – женщины, старушки». Отца Дмитрия он вспоминает как справедливого человека: «Как-то я, по устному договору со старостой, отремонтировал кры-

Протоиерей Димитрий Николаевич Флоринский. 1950-е гг.

шу собора. А староста меня обманул, заплатил меньше. Я пожаловался отцу Дмитрию. Он этому старосте такой нагоняй дал!..

Отец Дмитрий снимал дом у моей тётки по линии матери. По Новгородской улице налево, где улочка на гору идёт, одноэтажный деревянный угловой дом, в зелёный цвет сейчас выкрашен. Там, не доходя, есть проулок с колодцем, ещё у моего деда был вырыт, материного отца. Рядом и наш дом стоял, но сгорел в войну. Тётка сама жила в Ленинграде, приезжала сюда только летом на отдых, так что дом сдавала церкви. Это оплачивал приход, по хорошей цене.

Я у отца Дмитрия бывал в гостях, поскольку сразу после войны надо было починить крышу этого дома, побитую осколками. Мы ним поговорили, он кое-что рассказал о своей судьбе».

Константин Иванович вспоминает и о том, что в трудные послевоенные годы отец Дмитрий «часто помогал из церковных денег, когда люди были в затруднении. Сгорит, к примеру, у кого-то дом – собор давал помощь. Ведь доход церкви после войны хороший был, многие приходили поминать погибших...

Кроме огромного налога, который финотдел брал с собора, отец Дмитрий отчислял из церковной кассы на содержание детского сада и яслей, на еду и зарплату воспитателям – всё это содержалось за счёт собора. За это даже некоторые коммунисты его поддерживали. Про эти отчисления я точно знаю, так как иногда сам принимал участие в подсчёте пожертвований. Он в то тяжёлое, голодное время и меня немного поддерживал материально».

Отмечает Константин Иванович и красивый, мощный голос отца Дмитрия, и его богатырскую силу: «Завязла как-то телега с товаром, и возчик никак не мог справиться. Отец Дмитрий попросил принести рукавицы, снял рясу и за задние колёса поднял телегу! Весь город удивился. Не только силе, но и тому, что помог в таком грязном и трудном деле. Другой бы мимо прошёл...

По городу отец Дмитрий ходил в подряснике или рясе, с наперсным крестом. А если приглашали к больному или умирающему, исповедать и причастить, то тогда шёл в полном облачении. И в больницу так приходил. Даже тогда понимали, что последнюю волю умирающего надо уважать. Тем более что, если человек умирает не-

исповеданным, с большими грехами на душе, то отходит тяжело. От этого нелегко и врачам, и медсёстрам. А если священник придёт и исповедает, то помирать уже много легче».

События тех же лет описаны и в воспоминаниях Елизаветы Дмитриевны Флоринской:

Папа пользовался большим уважением... поставил собор «на ноги», привёл в порядок после военных разрушений. Сначала мои родители жили в доме «Степаниды» и занимали малюсенькую комнату, где помещались только кровать и столик. И вообще в то послевоенное время многие люди потеряли дома и жили в землянках. Вот, например, идёшь по дороге и видишь столбик с надписью фамилии, ход вниз закрывается деревянной крышкой. Сделано отверстие для света, вставлено стекло. Я была в этом «подземелье». Его сделала одна молодая женщина. Там было, для лета, довольно неплохо. Так жили многие... Мужчин-то не было. Женщины всё делали сами.

В Сольцах остался целым большой дом – жены профессора Фармаковского. Кто-то из него выехал, и его сняли для жительства моих родителей. Цена жилья была недешёвой, но часть оплачивала церковь. Потом встал вопрос – надо для папы машину – церковь могла купить... Остановились на лошади, так как зимой машина не везде проедет. В общем, папе всячески оказывали внимание и любовь.

Папа вложил всю душу в этот собор... Отремонтировал. Привёл в порядок... Как всегда, стоит отремонтировать – церковь закрывается. В один из дней папу вызвали в поселковый совет и сказали, что необходимо в церкви сложить мешки с зерном или мукой. Папа в воскресенье сообщил об этом верующим, которые очень возмутились такому порядку. Папа сказал: «В тяжёлую и трудную минуту для народа, в Божий храм можно пускать даже собак! Свиней, лошадей и коров!»

Под зерно-муку пришлось пожертвовать один из приделов.

...Как-то праздновали Пасху. Были бочки с дёгтем и несколько ракет. Во время крестного хода бочки были подожжены, а ребята с удовольствием запускали осветительные ракеты... Это не то, что прежде (до революции). Это бедность, но всё же праздник для народа. Это считалось «вражеским поступком» – коммунисты ворча-

Протоиерей Димитрий совершает отпевание. Справа от него псаломщица бабка Харитина. Снимок сделан незадолго до кончины отца Димитрия.

ли: «поповская агитация!» Интересно, когда кто-либо из них умирал, то просил похоронить по-церковному! И говаривали при случае: «Господи, спаси; Господи, помоги; Господи прости!» Оглянутся – нет ли кого, да и перекрестятся!..

Последнее время после всяких неприятностей и гонений мои родители не имели своего угла, всё скитались, жили у людей. Терпели насмешки всю жизнь. Недоброжелательное отношение властей к религии как к «опиуму для народа». Всё это сказалось на папином здоровье. Он стал болеть. Трудно стало служить. Сдало сердце, началась водянка и папа умер... В полном сознании – посмотрел на икону, перекрестился и упал...

Да, пережитые невзгоды сказались на здоровье отца Дмитрия, и 24 декабря 1952 он скончался в Сольцах от тяжёлой сердечной недостаточности. Местом его упокоения стал древний погост в Мусах, близ стен церкви, где по церковному обычаю хоронят священни-

ков. Любимого и уважаемого батюшку провожало в последний путь множество сольчан, 2-3 сотни человек. Дочь вспоминала:

Во время болезни папы, ещё церковь в Сольцах функционировала, за него служил отец Николай из Велебиц. Это тоже человек старого закала – не «красный». Они друг друга уважали. Отец Николай хоронил папу по всем правилам, с колокольным звоном, в одежде соответствующей и митре... На похороны собрались все Сольцы. Гроб с телом всю дорогу несли на себе. Мужчины наперебой брали смену. Шли с открытыми головами. Хоронили «нашего батюшку – отца Дмитрия, хороший был человек!» Отец Николай умер года через 3-4 после папы...»

В Апостольском послании христианам сказано: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие», «подражайте вере их» (Евр. 13, 7). И это, без сомнения, приложимо к памяти отца Дмитрия. Ведь благодаря в том числе и его вере, его мужественному служению в годы репрессий и бесправия, на нашей земле сохранилась церковная жизнь. Это было самым главным, несмотря на неизбежные материальные потери в том неравном противостоянии. А разрушенные стены можно воздвигнуть вновь – возрождён собор в Карабанове, медленно, но верно реставрируется и Ильинский собор в Сольцах...

Благодарим за помощь правнука о. Дмитрия, священника Александра Тараканова за фотографии из его архива (Москва), а также монахиню Сергию (Каламкарову) из Успенского монастыря г. Александрова.